

*Л.А. Трахтенберг
(Москва, Россия)*

**Пауткин А.А. Горизонты прочтения:
Историко-филологические заметки и
размышления.
М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 328 с.**

*L.A. Trakhtenberg
(Moscow, Russia)*

**Pautkin A.A. Horizons of a Reading:
Historical-Philological Notes and Reflections.
Moscow; St.-Petersburg: Nestor-Istoria, 2017. 328 p.**

Новая книга А.А. Пауткина объединяет статьи, посвященные русской литературе и культуре на всем протяжении их истории – от XI до XXI в, от «Повести временных лет» до современного романа. В книге четыре раздела, соответствующих четырем концептуальным полям: это книжность Древней Руси, древнерусские традиции в словесности Нового времени, международные культурные связи и взаимодействие литературы с изобразительным искусством.

Первый раздел – «Книжность и культура Древней Руси» – разворачивает перед читателем широкую панораму русской средневековой словесности. В нем рассмотрены ее важнейшие жанры: летопись, житие, хождение; особое внимание уделено уникальному памятнику древнерусской культуры – «Слову о полку Игореве». Статьи раздела раскрывают разные грани мастерства древнерусских книжников: героико-батальных сцен и документальную достоверность дипломатических посланий, детализацию архитектурного экфрасиса и статуарность летописного портрета, драматическую напряженность повести о преступлениях князей и высокую патетику покаянного слова. В разделе освещены ключевые проблемы медиевистики: природа жанров древнерусской литературы и их взаимодействие, региональные тенденции в книжности Древней Руси, магистральные направления ее развития в ситуации исторического выбора.

Открывает раздел статья «Батальные описания «Повести временных лет» (своеобразие и разновидности)». Анализ топики летописных известий о сражениях позволяет реконструировать исторический путь древнерусской воинской повести как жанра. В «Повести временных лет», как показано в статье, отразилось несколько этапов ее становления: от краткой статьи – хроникальной заметки через более подробный рассказ, уже с чертами художественности, к воинской повести в собственном смысле слова.

Предметом подробного рассмотрения в следующей статье становится «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского». Исследование средств передачи прямой речи (объем которой, около 45% всего текста, показательным образом корреспондирует с изобразительным рядом Радзивилловской летописи, где половина миниатюр, посвященных тому же сюжету, – это сцены бесед), пространственных и временных координат повести становится основой для выводов о ее авторстве. В летописной статье 6605 года вскрываются три слоя. Первый, самый глубокий, предположительно принадлежит Василию, который едва ли был, как нередко утверждалось, духовным лицом: против этой гипотезы свидетельствуют сохранившиеся в тексте следы языческих обычаев славян и эпической традиции половцев. Второй пласт – труд Сильвестра, работавшего над «Повестью временных лет» и использовавшего написанную Василием повесть. Наконец, третий – похвала Владимиру Мономаху, видимо, вписанная позднее.

В статье «Древнерусские посольские речи и повествовательная манера летописца» описывается дипломатическая практика русских князей и исследуется система средств, используемых в летописях для ее фиксации. В ней находят место как устные формы коммуникации, когда речь одного князя рассказывал другому посланник, так и письменные – обмен грамотами. И в том, и в другом случае летопись играла роль дипломатического архива, служа свидетельством не только о результате, но и о ходе переговоров.

В статье «Игумен Даниил и его невольные “соавторы”» реконструируется история создания «Хождения» Даниила – древнейшего памятника русской паломнической литературы. Упоминания современников игумена в сопоставлении с другими источниками, а также характер описаний позволяют представить круг общения Даниила и показать, как отразились в тексте наблюдения и оценки его собеседников. Например, специфические меры длины («яко может сострѣлити добр стрелец») выдают в одном из них мирянина, знакомого с военным делом.

Статья «“Столпы красни несказанни”. О некоторых особенностях древнерусских архитектурных описаний» обращена к изучению древнерусской визуальной культуры. На примере описаний непривычных человеку Древней Руси сооружений – колонн и статуй – в ней раскрыта литературная оптика средневековых хождений, где авторы стремились передать свой опыт приобщения к чуждому искусству на знакомом культурном языке. Среди приемов – топосы и предметные детали, метонимия и сравнение, в том числе с монументами, известными лишь по литературным описаниям. Так, Афанасий Никитин сравнивает увиденную в Индии статую Шивы с константинопольским памятником императору Юстиниану, неоднократно описанным русскими паломниками, ориентируясь, скорее всего, на «Хождение Стефана Новгородца».

Следующая статья посвящена реконструкции одного из «темных мест» «Слова о полку Игореве». В фрагменте – «Съ тояже Каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву» – настораживает упоминание «венгерских иноходцев». В описываемое время этих коней на Руси не знали, да и слово «иноходец» в памятниках той эпохи не зафиксировано. А.А. Пautкин предполагает, что это место было испорчено, и предлагает конъектуру: не «между Угорьскими иноходьцы», а «между Угорьским и инокъ ходомъ ци». Урочище Угорское – это лесной массив между Киевом и Берестовым; когда-то здесь прошли венгры («Угри»), отчего и место получило такое название. При подобной интерпретации этот фрагмент читается как указание на место между Угорским

урочищем и дорогой в Киев, по которой шли в Софийский собор монахи-паллигрымы («инокъ ходомь»). Там в 1096 г. великий князь Святополк Изяславич похоронил половецкого хана Тугоркана – своего тестя, погибшего в битве на реке Трубеж (чтение «тьстя» вместо «отца» предложено еще в первой половине XIX в. П.Г. Бутковым и поддержано многими исследователями). Воспоминание о Святополке в «Слове о полку Игореве» не случайно: он первым среди русских князей женился на половчанке; последним ко времени автора «Слова» стал Владимир Игоревич, взявший в жены дочь Кончака.

К образу главного героя «Слова» князя Игоря Святославича обращена и еще одна статья сборника, посвященная покаянной речи князя в Киевской летописи. Это памятник расцвета древнерусского ораторского искусства, богатый риторическими приемами, среди которых антитеза, повтор, риторический вопрос, анафора. Памятник ставит перед исследователем немало вопросов: например, почему так подробно говорится в нем о бедствиях жителей Переяславского княжества и почему Игорь Святославич так гиперболически сурово осужден, если, как предполагали многие ученые, слово восходит к его княжеской летописи? А.А. Пауткин приходит к выводу о том, что речь от имени князя Игоря, написанная, конечно, не им самим, но риторически образованным книжником, была введена в летописную повесть 1185 г. в Выдубицком монастыре, а создавалась она с опорой на какой-то переяславский источник.

В статье «Волинский летописец XIII в. и агиографическая традиция. Опыт реконструкции» рассматривается летописный рассказ о волинском князе Владимире Васильковиче. Рассказ следует житийной модели. В некоторых случаях можно установить определенный источник мотивов: так, портрет Владимира Васильковича восходит к описанию внешности князя Бориса в «Сказании о Борисе и Глебе». Наделенный чертами жития, рассказ Волинской летописи был создан, чтобы подготовить канонизацию князя.

Завершают раздел три статьи, посвященные общим проблемам изучения древнерусской литературы и культуры. В статье «Древнерусские святые князья. Агиологический тип как культурно-историческая система», продолжающей исследование вопроса о княжеской святости, эта проблема рассматривается как в аксиологическом, так и в историко-политическом плане. Святой князь почитается часто прежде всего не за подвиги, а за смирение и страдания, объединяющие его с простым человеком, что делает его образ более близким и понятным. Вместе с тем в истории канонизации прослеживаются и политические мотивы: большинство почитаемых князей – Мономаховичи, предки московских правителей.

Статья «Специфика средневековой книжной культуры и “литературная карта” Древней Руси» ставит вопрос о географическом принципе изучения древнерусской книжности. Многие памятники, такие как «Повесть о новгородском белом клобуке» или «История о великом князе Московском» Андрея Курбского, не могут быть правильно поняты вне территориального контекста их создания. Обращение к географическому принципу систематизации литературного материала составляет перспективную альтернативу хронологическому подходу, который в силу специфики древнерусской литературы объясняет в ней далеко не все.

Нереализованным эволюционным возможностям литературы посвящена статья «Древнерусская книжность: историко-литературные альтернативы». Светская биография в юго-западнорусском летописании и автобиографизм «Поучения» Владимира Мономаха, слияние традиций высокой книжности и низовой словесности в

«Молении» Даниила Заточника и романый элемент в Киево-Печерском патерике, профессионализация литературного труда в деятельности Пахомия Серба и своеобразный взгляд на русскую жизнь из-за границ Московского государства в произведениях Андрея Курбского и Григория Котошихина – все это потенциалы литературного развития, лишь намеченные и не реализованные вполне, но все же давшие уникальные и оттого тем более ценные для нас памятники древнерусской культуры.

Второй раздел книги, «Аспекты преемственности», намечает перспективы особого направления в литературоведении, находящегося на стыке истории древней и новой словесности, – медиевистического источниковедения новой русской литературы. Здесь показано, как семивековая традиция древнерусской книжности отражается в русской литературе трех столетий – XIX, XX и XXI.

Первые две статьи раздела объединяет тема Отечественной войны 1812 г. В одной из них установлен источник «Исторических записок» участника войны капитана Г.П. Мешетича. Картинам войны Мешетич придает подлинно эпический масштаб. Как показывает А.А. Пауткин, этот художественный эффект ему позволяет создать опору на памятник древнерусской книжности – «Сказание о Мамаевом побоище». Благодаря «Сказанию» Мешетич воспринимает традицию древнерусской батальной топики.

Таинственным обстоятельством, окружающим утрату единственной рукописи «Слова о полку Игореве», посвящена следующая статья – ««Потерянный рай библиофила», или Загадки дома на Разгуляе». Книжное собрание А.И. Мусина-Пушкина, хранившееся в его московском доме, сгорело, когда город занимала армия Наполеона; сгорела и рукопись «Слова». Собранные в статье свидетельства о событиях 1812 г. воссоздают зримую картину событий, окружавших дом Мусина-Пушкина, погружая читателя в атмосферу истории.

Еще один сюжет книги разворачивается вокруг повести Н.С. Лескова «На краю света». В посвященной ей статье раскрывается как ретроспектива в историю Древней Руси, так и перспектива в русскую литературу XX в. Среди источников Лескова летописные рассказы об Андрее Боголюбском и Владимирке Галицком, молитвы Кирилла Туровского, «Вопрошание Кириково», «Житие Стефана Пермского». Памятники, к которым обращается Лесков, представляют все основные центры культуры Руси в XII столетии: Киев, Новгород, Галич, Владимир. В свою очередь, повесть Лескова становится предметом переосмысления в романе С.Н. Маркова «Юконский ворон», созданном уже в 1940-е гг.

Богатство древнерусских мотивов обнаруживает творчество А.Н. Толстого, рассмотренное в следующей статье. Толстого привлекают эпоха Смуты, образы Ивана Грозного и Петра Великого. Его познания в древнерусской книжности обширны: Толстому, видимо, знакомы «Слово о полку Игореве» и «Моление» Даниила Заточника, переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, послания Ивана Грозного Василию Грязному, сочинения Ивана Пересветова, протопопа Аввакума, инока Евфросина; повлиял на него, по его собственному признанию, язык древнерусских документов. А.Н. Толстой совмещает в одном лице писателя и ученого-медиевиста. В его творчестве глубокое знание средневековых памятников не только становится основой для художественного воссоздания прошлого, но и обогащает видение современности: по словам Толстого, его газетные статьи военных лет «писаны языком XVII в.».

Раздел заключает статья, посвященная творчеству двух исторических романистов, XX и XXI столетий, – Ан. Ладинского и Н. Иргениной. Оба они обращаются к одному периоду в истории Руси – к XI–XIII вв. и, соответственно, к одному и тому

же кругу источников. Однако их творческая манера различна. Если Ладинский, внимательно изучая древнерусские памятники, стремится к исторической точности, то Иртенина восполняет фантазией недостаток засвидетельствованных ими фактов.

Третий раздел сборника, «Творческие сближения», посвящен сравнительному литературоведению и, шире, истории международных культурных взаимодействий. В центре внимания литература XVIII–XIX вв.: русская, немецкая, польская. Русская литература в статьях раздела рассмотрена и как реципиент, и как источник, оказавший влияние на зарубежную словесность.

Сюжет очерка «Последний “философский камень” усадьбы Савинское (И.В. Лопухин и Квирин Кульман)» завязывается вокруг памятной плиты с именем Квирина Кульмана, которую И.В. Лопухин, известный масон, установил в парке своей усадьбы. Парк, разбитый по канонам ландшафтного искусства XVIII в., был наполнен памятными знаками, посвященными мыслителям разных стран и эпох. Памятник Кульману, единственный из всех, дошел до нас. Квирин Кульман – немецкий мистик XVII в., последователь Якоба Беме. В 1689 г. он прибыл в Москву, где был обвинен в ереси и казнен. В глазах Лопухина он, очевидно, был одним из идейных предшественников масонства. Вероятно, в год столетия со дня гибели Кульмана Лопухин решил почтить его память установкой мемориального знака.

Статья «Кенигсберг А.Т. Болотова. Оптика самопознания» продолжает начатую в книге ранее тему визуальной культуры уже на новоевропейском материале. Ее название предлагает читателю загадку. С одной стороны, оптика – это реальный зрительный прибор, перспективный ящик, которым пользовался Болотов сначала для того, чтобы продемонстрировать приобретенные им эстампы – копии картин, а затем, усовершенствовав его, и для того, чтобы срисовывать виды Кенигсберга. С другой стороны, это метафора художественного видения, обогащенного культурным опытом эпохи Просвещения.

Статья «По следам Бюргеровой Леноры. Пространство и время в балладах о мертвом женихе» воссоздает исторический контекст знаменитой баллады Г.-А. Бюргера и русских версий сюжета – «Людмилы», «Светланы» и «Леноры» В.А. Жуковского, «Ольги» и «Наташи» П.А. Катенина. Современному читателю реалии большинства этих текстов незнакомы. Между тем если Жуковский в «Людмиле» переносит действие в подчеркнуто условные время и пространство, в которых, однако же, можно опознать вторую половину XVI в. и русско-ливонское пограничье, то баллада Бюргера исторически определена и точна: фантастические события сюжета приурочены к сражению под Прагой в начале Семилетней войны, состоявшемуся всего за полтора десятилетия до момента создания текста. Точность как принцип сохраняет и Катенин, прикрепляя сюжет к важнейшим событиям русской истории – Полтавской битве в «Ольге» и Бородинскому сражению в «Наташе». Жуковский же устраняет некоторые исторические реалии даже в позднем переводе «Леноры», хотя он и считается точным.

В статье «Пирующий Петр Пушкина. Лейтмотив и история» образ царя-реформатора рассмотрен в историческом и литературном контексте. Очерчен круг свидетельств о петровских застольях, которые могли быть известны А.С. Пушкину, определена семантика пира в творчестве поэта и охарактеризованы источники этого мотива: античная литература, русский эпос, «Слово похвальное... Петру Великому...» М.В. Ломоносова.

Завершающая статья раздела возвращается к затронутой выше теме исторической романистики, но уже на польском материале. В ней рассматриваются связи

романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом» с русской литературой. Среди его претекстов не только романы М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» и А.С. Пушкина «Капитанская дочка», повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», но и «Слово о полку Игореве», которое становится для Сенкевича источником поэтической образности. В свою очередь, и сам роман «Огнем и мечом» отражается в русской литературе уже следующего столетия, оказывая влияние на «Белую гвардию» М.А. Булгакова.

Четвертый раздел, «Слово и изображение», включает статьи, затрагивающие вопросы диалога между разными видами искусства – литературой, скульптурой, живописью. Этот диалог предстает в различных формах: икона как источник литературного текста и критическая статья как интерпретация живописного полотна, увековечение памяти писателей в монументе и портрете, выражение исторических событий на языке литературы и живописи.

Переключаясь с первой статьей предшествующего раздела, очерк «Несохранившиеся памятники М.В. Ломоносову (эмблематика и тексты)» продолжает тему мемориальной культуры рубежа XVIII–XIX столетий. В нем собраны свидетельства о двух памятниках русскому ученому и поэту, установленных почитателями его дара. Один из них, П.И. Челищев, воздвиг памятник на месте рождения Ломоносова и оставил его подробное описание, а также создал стихотворный панегирик ученому. Другой, И.В. Лопухин, посвятил Ломоносову памятный знак в своем саду. Оба памятника были скромны по форме, но исполнены символического смысла, причем представляли разные эстетические традиции – классицистическую и сентиментальную.

Статья «А.С. Грибоедов в 1812 г. Штрихи к портрету» возвращается к другой магистральной теме – событиям Отечественной войны. Грибоедов в это время вступил в ряды народного ополчения. Он служил в Московском гусарском полку. В гусарском мундире изображает его один из редких портретов – акварель Д.Н. Кардовского, созданная уже в начале XX в. Это портрет условный; а каков был подлинный облик Грибоедова в те годы и его путь на военной службе – об этом рассказывается в статье.

Следующая статья развивает начатый ранее лесковский сюжет. В ней установлены источники одного из поздних рассказов Лескова – «Сошествие во ад (апокрифическое сказание)», литературные и иконописные. Упомянутый Лесковым апокриф – это Никодимово евангелие, один из самых популярных на Руси памятников апокрифической литературы. А многофигурная композиция иконы «Сошествие во ад», которую Лесков считает древней, на самом деле отражает поздний этап эволюции иконописи. Она возникла уже в XVII в. на основе более древнего и более простого иконографического типа. Контекст рассказа Лескова расширяют исследования его современников Ф.И. Буслаева и М.Н. Сперанского в области средневековой литературы и искусства, хронологически совпавшие с его обращением к культуре Древней Руси.

Тема двух статей – творчество В. М. Гаршина в диалоге с изобразительным искусством. В одной из них анализируется заметка Гаршина о 15-й передвижной выставке, на которой экспонировалась картина В.И. Сурикова «Боярыня Морозова». В статье выявлены те древнерусские источники, на которые опирается Гаршин в своей интерпретации знаменитого полотна. Это прежде всего «Повесть о боярыне Морозовой», а кроме того «Житие» Аввакума и его послание, обращенное к боярыне. Знаком Гаршин и с трудом И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей». Современная Гаршину историография предопределила его оценку раско-

ла: к старообрядцам он чувствует жалость, но не симпатию, следуя распространенному мнению о бесплодности их борьбы против реформы Никона.

Вторая статья посвящена изображению русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в рассказах Гаршина, а также в произведениях других писателей и в изобразительном искусстве. В статье показано, как трагическое видение войны изнутри, с точки зрения рядового участника событий, отразившееся в творчестве Гаршина, предвосхитило и во многом предопределило традицию военной прозы XX в.

Очерк «Из истории публикации автографов А.С. Пушкина» – дань памяти князя Олега Константиновича, сына великого князя Константина Константиновича, приобретшего поэтическую известность под псевдонимом К.Р. Выпускник Царскосельского лицея (к тому времени – Александровского юридического), подававший надежды как литературовед-пушкинист и ставший инициатором уникального факсимильного издания пушкинских автографов, князь Олег погиб на фронте в самом начале Первой мировой войны; задуманное им издание так и осталось незавершенным.

Заключительная статья книги – «Долгое эхо “Ночного смотра” (балладный сюжет в творчестве польского живописца)», как и в предыдущем разделе, обращена к теме польско-русских контактов. Сосредоточены в ней и две другие ключевые темы – эпоха наполеоновских войн и история балладного жанра. Статья посвящена картине польского художника Войцеха Коссака «Видение Наполеона на Св. Елене», сюжет которой восходит к балладе Й.Х. фон Цедлица «Ночной смотр», переведенной на русский язык В.А. Жуковским. В статье показано, что именно версия Жуковского, по-видимому, послужила основным источником польскому живописцу.

Книга А.А. Пауткина соединяет научные и художественные достоинства. Исключительное богатство фактов, охват материала от частных деталей до важнейших событий, определивших ход истории, глубина перспективы от древности до наших дней, единство литературоведческого, искусствоведческого и исторического видения – все это определяет ее научное значение. Источниковедческие прочтения произведений древней и новой словесности, предложенные в ней, – научные открытия. Вместе с тем стройная композиция, скрепленная концептуальными лейтмотивами, яркие, зримо достоверные картины истории, точный и в то же время образный стиль делают книгу не только филологическим исследованием, но и произведением литературы. Книга будет интересна и ученым-гуманитариям, и студентам, и широкому читательскому кругу.

Сведения об авторе:

Лев Аркадьевич Трахтенберг,
докт. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Lev A. Trakhtenberg,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

lev_a_t@inbox.ru